

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. КУЗИЦИН, Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.), М., Изд-во Московского университета, 1976, 267 стр.

Нет необходимости доказывать, что аграрный вопрос, характер и формы землевладения, тип ведущей ячейки сельскохозяйственного производства и соответственно применявшейся в ней рабочей силы составляют глубинную основу социально-экономической и опосредованной ею политической истории докапиталистических обществ с их живдившейся на сельском хозяйстве экономикой. Не случайно поэтому столь многочисленны, в прошлом и настоящем, исследования, посвященные аграрной истории Рима, теснейшим образом связанной с извечной проблемой причин его «величия и падения». Не случайно также разнообразие выдвигаемых исследователями теорий и гипотез — и по отдельным, более или менее частным вопросам, и по вопросам, носящим, так сказать, глобальный характер.

Ряд прежде казавшихся бесспорными положений пересматривается, что изменяет и общую оценку причин и следствий наблюдаемых нами в истории Рима процессов. К таким положениям принадлежит еще недавно общераспространенная точка зрения на рабовладельческие латифундии как на тип хозяйства, господствовавшего в Италии с III в. до н. э. до конца античного мира, и соответственно связывавшая подъем и упадок итальянской экономики с подъемом и упадком рентабельности латифундий. Латифундии считались основным поставщиком продукции на рынок, и их судьба рассматривалась в связи с состоянием рынка. В сокращении его емкости, вызванном конкуренцией провинций, видели главную причину перехода латифундистов от производства товарных культур, в первую очередь винограда и оливок, к выращиванию зерновых, от интенсивного хозяйства к экстенсивному, от рабства к колонату. С латифундиями, таким образом, связывался подъем и упадок рабовладельческого способа производства. С их распространением во II в. до н. э. связывалась и борьба римского крестьянства за аграрные законы.

В советской науке эту точку зрения уже довольно давно начали пересматривать. На основании сопоставления различных данных советские историки Рима доказывали, что типичной и оптимальной для развития и функционирования рабовладельческого способа производства формой его организации была не латифундия, а вилла средней величины и именно такая вилла была наиболее тесно связана с рынком и поступающими на рынок культурами, тогда как латифундия была скорее натурально-хозяйственным комплексом и притом основывалась в значительной мере на труде колонов, что развитие и упадок рабовладельческого способа производства обуславливались судьбой не латифундий, а рабовладельческих вилл и расцвет первых был обусловлен упадком последних, вызванным не конкуренцией провинций, не рыночной конъюнктурой, а спецификой рабского труда, основным противоречием рабовладельческого общества. Все эти положения, естественно, позволяют взглянуть на многие процессы в римской истории под новым углом зрения. Стало невозможно говорить о некоем абстрактном римском имени, то ли замкнутом натурально-хозяйственном целом, то ли почти капиталистическом предприятии. Стало ясно, что противоречивые данные источников, позво-

лявшие обосновывать столь противоречивые суждения, относятся к именам разных типов, из которых одни имели большее значение в одни, другие — в иные эпохи римской истории.

В разработке упомянутых вопросов большая роль принадлежит В. И. Кузищину. Его работы, посвященные римскому земледелию и типам римских поместий, внесли большой вклад в изучение истории развития производительных сил (в широком понимании этого термина) Рима и места имений различного типа в истории его экономики.

Рецензируемая монография, в известной мере, подводит итог предыдущим работам автора. Она состоит из введения и двух частей. Часть I «Крупное землевладение в Италии во II—I вв. до н. э.» состоит из следующих глав: «Крупное землевладение и проблема латифундий во II в. до н. э. до реформы братьев Гракхов», «Реформы братьев Гракхов и крупное землевладение в 130—90 гг. до н. э.», «Крупное землевладение в Италии в конце Республики». Часть II «Распространение и господство латифундиального землевладения в Италии в конце I в. до н. э.— I в. н. э.» делится на главы: «Установление принципата Августа и судьба крупного землевладения», «Бурное развитие латифундиального землевладения в I в. н. э.», «Концентрация земельной собственности в Италии по данным Веллейской таблицы», «Земельные владения Плиния Младшего и их хозяйственная организация». Заключением служит глава «Крупное землевладение и развитие рабовладельческого способа производства в сельском хозяйстве Италии».

Как и для всех статей и книг В. И. Кузищина, для рецензируемой монографии характерна тщательность в исследовании источников, их всесторонний анализ и сопоставление, что делает выводы автора, хотя кое-какие частности можно и оспорить (о чем подробно далее), глубоко фундированными и заслуживающими самого пристального внимания. В первой части он скрупулезно собирает и комментирует все имеющиеся данные о земельных владениях различных представителей господствующего класса — от Катона до Цицерона включительно. Из этих данных и их анализа явствует, что даже самые богатые политические деятели времен Республики владели не латифундиями (сам этот термин, как и соответственные владения, появляется только на исходе Республики), а многими средней величины рабовладельческими виллами, не связанными между собой хозяйственно и часто разбросанными по разным областям Италии. Даже в Апулии, где распространение латифундий считалось общепризнанным, преобладали средние виллы, наиболее отвечающие хозяйственной ситуации и хозяйственным потребностям своего времени. Сопоставляя отрывки из сочинений Сазерны, В. И. Кузищин приходит к выводу о том, что и в Транспаданской области господствовали не латифундии, возделываемые колонами, а рабовладельческие виллы. Крупные комплексы частных и арендованных у государства земель использовались только под пастбища, но не они определяли общую картину землевладения. Концентрация земли за счет обезземеления мелких собственников шла, все усиливаясь, но имела результатом не образование сплошных владений, латифундий, а переход в одни руки все большего числа вилл. Лишь после проскрипций Суллы появляются немногочисленные еще тогда латифундии, но положение их владельцев, постоянно опасавшихся аграрных законов, было крайне непрочным. Намечавшаяся тенденция к укрупнению земельных владений была еще только в самом начале, количество же земли, в совокупности принадлежавшей богатому собственнику (особенно детально В. И. Кузищин рассматривает земельные владения Цицерона), было значительно меньшим, чем то имело место столетие спустя. Богатство, несмотря на всю важность обладания землей, выражалось скорее в деньгах, приобретенных не столько от доходов с имений, сколько от торгово-финансовых операций, войн, ограбления провинций, политической деятельности. В. И. Кузищин убедительно доказывает, что известное используемое современными историками для реконструкции положения в Италии II в. до н. э. сообщение Аппиана об огромных италийских рабовладельческих латифундиях, против которых якобы выступили Гракхи, явилось результатом перенесения Аппианом современных ему условий на прошлое. В действительности противниками Гракхов были не немногочисленные латифундисты, а значительный слой владельцев вилл типа катоновской, причем в результате утверждения частной собственности (по закону 111 г. до н. э.) на участки, полученные от

гракханской комиссии, упрочились позиции именно этой категории землевладельцев.

Выводы В. И. Кузищина относительно положения дел в землевладении времен Респубрики представляются очень убедительными. Можно сделать только два замечания. Во-первых, хотя автор и говорит об огромных земельных комплексах, использовавшихся под пастбища, он в общем не придает им особого значения. Между тем на основании имеющихся, правда не слишком многочисленных, данных можно полагать, что борьба против владельцев таких пастбищ, против вытеснения крестьянина-пахаря рабом-пастухом играла немалую роль в агитации за аграрные законы начиная с Гракхов. Недаром в знаменитой надписи Попилия (CIL, I, 638) он ставит себе в заслугу то, что первым сделал так, чтобы на общественной земле пастухи уступили место пахарям. В борьбе этой крылись, возможно, и иные, помимо чисто аграрного вопроса, причины: противоречия между устремлением к староримскому, более или менее автаркичному крестьянскому хозяйству и к хозяйству, ведущемуся на коммерческой основе, поскольку скотоводы работали на рынок. Противоречия между земледельцами и скотоводами, кстати сказать, с большей или меньшей долей убедительности прослеживаются в не раз упоминаемой В. И. Кузищиным книге Р. Мартена о римских сельскохозяйственных писателях, на примере сочинений, в частности, Вергилия. Во-вторых, справедливо подчеркивая развитие рабовладельческого способа производства в связи с распространением средних вилл, В. И. Кузищин совсем оставляет в стороне крупные имения с клиентами и колонами. Характерно, что те сведения, которые он приводит об имениях богатых собственников II—I вв. до н. э., относятся большей частью к «новым людям», в первую очередь к Катону и Цицерону. Они, естественно, составляли свои состояния посредством покупки вилл и рабов. Они не могли иметь наследственной клиентелы, в известной мере близкой к колонату, как имел ее, например, происходивший из старинного аристократического рода Домитий Агенобарб. Весьма вероятно, что таких же клиентов-колонов имели на своих землях и другие потомки аристократических родов. Конечно, сведения наши немногочисленны, но их надо учитывать, между прочим, также в связи с борьбой различных хозяйственных тенденций, которые могли найти свое отражение и в политической борьбе.

В целом, однако, как уже упоминалось выше, первая часть книги написана очень убедительно. Она подводит и к пониманию аграрной политики Августа, которой посвящена начальная глава второй части. Глава эта имеет чрезвычайно большое значение для изучения различных сторон социально-экономической и политической истории Рима, а также для анализа сущности переворота, знаменовавшего переход от Респубрики к Империи. Хотя принципату Августа посвящена огромная литература, все стороны его аграрной политики еще не были освещены под тем углом зрения, под которым их рассматривает автор, и не было сделано тех выводов, которые сделал он. Много спорили о результатах колонизационной политики триумвиров и Августа — привела ли она к укреплению мелкого или крупного землевладения и какая форма землевладения восторжествовала при его преемниках. В. И. Кузищин на основании глубокого анализа сочинений аграриев квалифицирует мероприятия Августа как величайший в истории Рима аграрный переворот, т. е. как глубокое вторжение в отношения собственности, чем, кстати сказать, подтверждается тезис С. Л. Утченко об имевшей в это время в Риме место социальной революции, происходившей в пределах одной формации. Август, как показывает В. И. Кузищин, своей колонизационной политикой, перекроившей аграрную карту Италии, с одной стороны, очень умножил число мелких наделов, отводившихся рядовым ветеранам, а с другой стороны, раздавал большие земельные владения, латифундии, командному составу. Земли закреплялись за получавшими их как полная частная собственность (почему в это время и появляется в праве понятие доминия), т. е. были гарантированы от каких бы то ни было аграрных законов о переделах земли, а частично и от контроля со стороны гражданских общин. Упоминаемый Цицероном в его речах об аграрном законе Сервилия Рулла страх крупных землевладельцев перед возможными конфискациями, мешавший им должным образом возделывать захваченные ими земли, вкладывать в их обработку достаточные средства, был теперь снят. Контроль от гражданской общины в значительной мере пере-

ходил к императору, который мог по своей воле передать отдельным лицам имение любой величины в гарантированную собственность. Исследование В. И. Кузицина подводит прочную основу под всем известное утверждение о примирении Августа с сенатом и показывает, как создавалась социальная база принципата Августа, поддерживавшегося и мелкими и крупными землевладельцами, равно заинтересованными в гарантированности своей собственности.

Аграрная политика Августа, пишет автор, дала мощный толчок распространению латифундий. Росту их, как он отмечает, способствовали и другие причины: сократившаяся при Империи возможность эксплуатации провинций частными лицами подняла значение доходов с земли по сравнению с доходами иного порядка; основным богатством вновь становится земля. Соображение это важно для понимания экономического развития Империи. Тенденция, наметившаяся в первый век ее существования, окончательно восторжествовала в эпоху поздней Империи, когда деньги были признаны богатством ненадежным и, так сказать, второсортным по сравнению с землей.

Распространение латифундий В. И. Кузицин считает основным для Империи процессом, развитию которого не был нанесен серьезный ущерб ни антисенатской (и тем самым — антилатифундиальной) политикой Юлиев — Клавдиев, ни проводившимися ими земельными конфискациями. Со времени Флавиев попытки правительства противодействовать росту латифундий вообще прекращаются, направленная против крупного землевладения пропаганда практически замирает. Напротив аграрная политика Флавиев (в частности, проведенное Домицианом закрепление субсидий за оккупировавшими их лицами) еще больше стимулировала концентрацию земли, образование крупных земельных комплексов. Ход этих процессов В. И. Кузицин прослеживает на детальном анализе алиментарных таблиц из Веллей и Лигуров Бебианов. Он приходит к выводу, что если при Республике в одни руки переходили небольшие крестьянские хозяйства, то теперь такая судьба постигает средние рабовладельческие виллы, за счет которых, так же как и за счет захвата общественной земли, крупные собственники расширяют свои владения, создавая большие земельные массивы, во много раз превосходящие совокупную площадь вилл, принадлежавших богатым собственникам I в. до н. э. Проведенный автором анализ лишний раз подтверждает причины упадка городов, лишившихся своих общественных земель, и сословия декурионов, члены которого теряли свои виллы, что обуславливало разложение городов как античных гражданских общин.

Организацию латифундий, частично сдававшихся колонам, частично возделывавшихся рабами, В. И. Кузицин подробно обрисовывает на примере методов ведения хозяйства Плинием Младшим. Автор считает Плиния превосходным организатором, комбинирующим труд рабов с трудом колонов, сумевшим продуманным поощрением рабов наладить дело в рабовладельческих латифундиях с одним из первых оценившим преимущества парциарного колоната по сравнению с денежной арендой. Его латифундии — в отличие от тех, которые, по свидетельствам авторов I в., в значительной мере оставались заброшенными, — хорошо обрабатывались и приносили хороший доход, так что в письмах Плиния Младшего не видно свидетельств надвигающегося кризиса италийского сельского хозяйства и рабовладельческого производства. Вместе с тем распространение латифундий было непосредственно связано с кризисом последнего, так как чисто рабовладельческие латифундии из-за непомерного возрастания управленческого аппарата вскоре становились убыточными, и неизбежным оказывался переход к колонату, причем парциарному, а не основанному на денежной аренде. Такой переход не означал непрерывного развития производительных сил: сельскохозяйственная техника в хозяйствах колонов стояла на уровне значительно более низком, чем в рабовладельческих виллах и латифундиях. Зато появилась возможность восстановить истощавшееся рабовладельческими интенсивными хозяйствами плодородие почвы и людскую силу, хищнически потреблявшуюся рабовладельцами в погоне за максимальной прибылью. Рабовладельческие латифундии, подчеркивает В. И. Кузицин, были кратковременным явлением в истории Рима. Так, убедительно опровергается теория, строившаяся на представлении об исконности и

ведущей роли латифундий, огромных плантаций, возделывавшихся тысячами рабов. Значение этих выводов, сделанных В. И. Кузициным, бесспорно, велико.

По второй части книги можно сделать несколько отдельных замечаний. Вызывает известные сомнения точка зрения автора (ранее она была высказана В. Сираго) на императорские имения как на огромные рабовладельческие латифундии. Для Италии мы располагаем надписями членов рабских фамилий из нескольких императорских вилл (особенно интересны надписи из Лукулланской и Бауланской вилл), где рабы были организованы в коллегии с некоторым подобием самоуправления. О размерах этих вилл данных нет и нет оснований считать их латифундиями. В провинциях, как известно, императорские салтыусы обрабатывались колонами и неясно, почему бы не предположить, что тот же метод обработки применялся и в императорских латифундиях в Италии (тем более, что практика сдачи в аренду императорского имущества в Италии была не менее распространена, чем в провинциях: так, известны арендаторы императорских мастерских, императорских стад). Косвенно в пользу предложения о сдаче арендаторам и императорских земель говорят некоторые надписи императорских колонов, часто из вольноотпущенников, а также упреки Домициану (делавшиеся после его смерти), которому ставили в вину, что он присваивал чужие земли и раздавал их своим отпущенникам, — возможно, частично в собственность, а частично в аренду. Во всяком случае, о рабочей силе на императорских землях можно говорить только очень предположительно, не делая далеко идущих выводов, подобных заключениям Сираго. Кстати, упомянутые обвинения по адресу Домициана позволяют внести некоторые коррективы в утверждение о его безоговорочном покровительстве частному крупному землевладению. Видимо, и в этом отношении его политика была отлична от политики Антонинов. Мероприятия же Веспасиана по возвращению захваченных частными лицами общественных земель, как и впоследствии аналогичное мероприятие Септимия Севера, вероятно, имели главной целью поддержать устойчивость городов как гражданских общин и там самым хотя бы косвенно были направлены против латифундистов, часто вступавших в конфликт с городами.

Неясно, можно ли безоговорочно называть упомянутые в Велейской таблице салтыусы латифундиями. Ведь эти салтыусы, как показали исследования Э. Серени и как подчеркивает и сам В. И. Кузицин, возникали из захвата общинной земли, располагавшейся на границах пагов, были еще не обработаны и, скорее всего, служили пастбищами, хотя со временем их, конечно, могли возделывать под сельскохозяйственные культуры. Но все же полное отождествление пастбища-салтыуса с латифундией не представляется закономерным.

Неубедительно предположение В. И. Кузицина о том, что Плиний Младший давал своим колонам рабов и что, следовательно, колоны вели рабовладельческое хозяйство. Предположение это основано на известном письме Плиния (III, 19) по поводу намерения купить соседнее имение, в котором разоренные прежним владельцем колоны плохо работают, почему ему придется поместить там *comprupes mancipis frugis*, поскольку и сам он, и никто другой там не имеет колодников. Но *mancipis* — это не рабы, как толкует это слово В. И. Кузицин, а съемщики, арендаторы, т. е. те же колоны. Плиний хочет заменить прежних недобросовестных колонов новыми — дельными и добросовестными. О рабовладельческом хозяйстве колонов речи нет. Вообще, по всей видимости, рабовладельцами были только крупные арендаторы, снимавшие целую виллу, а не обычные колоны, *rustici*, как именует их Плиний Младший (а впоследствии и многие другие авторы). Характерно, что в «Дигестах», где инвентарю, получаемому от хозяев колонами, уделяется значительное внимание, лишь раз упомянут раб, данный господином, причем не мужчине-колону, а женщине-колоне. Очевидно, здесь имел место исключительный случай, когда колон умер, а его жена без помощи мужчины не могла справиться с хозяйством и выполнять лежавшие на ней, как на наследнице мужа-колона, обязательства. Вообще думается, что В. И. Кузицин преувеличивает рабовладельческий сектор хозяйства Плиния Младшего. Конечно, у него, как и у всякого крупного землевладельца, было множество рабов и отпущенников — слуг, ремесленников, членов поместной администрации, образованных людей, составлявших компанию гос-

подиву, но это еще не доказывает, что его хозяйство можно считать рабовладельческим в полном смысле слова. Из писем Плиния это, во всяком случае, не явствует, поскольку рабы у него обычно упоминаются в вышеупомянутом качестве, а не как непосредственные производители, каковыми всегда выступают колонны. Ведь даже находясь в тускском имении, которое В. И. Кузицин безоговорочно считает рабовладельческой латифундией, Плиний, как и в письмах из имений в районе Кома, сетует на множество передаваемых ему колоннами прошений и жалоб (IX, 15, 36). Рабы, принадлежащие к тому же не к сельской, но к городской фамилии, упомянуты как надзиратели за колоннами во время сбора винограда (IX, 20), а не как работники. К тому же нелегко представить себе, чтобы Плиний, достаточно часто писавший о своих хозяйственных заботах в связи с колоннами, ни разу не упомянул (что отмечает и В. И. Кузицин) о трудностях организации рабского труда, встававших перед всяким обладателем большого рабовладельческого имения. Автор, как уже упоминалось выше, считает, что Плинию рабы не доставляли подобных затруднений, поскольку он делал им разные поблажки, старался расположить их к себе хорошим обращением и т. п. Но и другие господа практиковали аналогичные и даже более далеко идущие методы поощрения (например, организацию поместных коллегий, о которых мы ничего не слышим у Плиния), не достигавшие, однако, цели. Думается, что владения Плиния Младшего были примером не хорошо организованной рабовладельческой латифундии, а латифундии, обрабатывавшейся колоннами, что не исключает наличия в имении какой-то господской части. Колонат в разных его формах (колонат-клиента, краткосрочная и долгосрочная денежная аренда, парциарный колонат, регулировавшийся договором или обычаем) был в Риме исконным древним институтом, предшествовавшим развитому рабству, с ним сосуществовавшим и его пережившим. Разные его типы преобладали в разное время и в разного типа хозяйствах. С упадком рабства и ростом крупного землевладения, с которым колонат всегда был тесно связан, он не возник заново, а приобрел ведущее значение, укрепляясь за счет все новых источников (закабаляемые крестьяне, посаженные на землю рабы и вольноотпущенники, пленные). Латифундии Плиния Младшего могли испокон века при многих поколениях прежних владельцев возделываться сидевшими на их землях — тоже из поколения в поколение — колоннами. Такую возможность, видимо, нельзя сбрасывать со счетов.

Возражение вызывает и принимаемое В. И. Кузициным представление о решающем для рабовладельческого хозяйства значении сокращения числа пленных, продававшихся в рабство, и соответственно роста числа домородных рабов, воспитание которых удорожало производство. В свое время мне уже приходилось приводить данные, ставящие эту точку зрения под сомнение. Не повторяя их заново, замечу лишь, что для ее подтверждения и подкрепления следовало бы ответить на некоторые естественно возникающие вопросы. Почему римские авторы I в. н. э., уделявшие значительное внимание «рабскому вопросу» во всех его аспектах, никогда не писали о недостатке рабов, а некоторые сетовали даже на их избыток, вызывавший попытки законодательного ограничения числа рабов? Почему, если приток рабов сократился, мы не имеем данных об их значительном подорожании? Почему, если рабовладельцу было невыгодно воспитывать рабских детей, Катон через своих агентов скупал и растил детей, Колумелла освобождал плодовитых рабынь, кормилицы рабских детей включались в инвентарь имения, а юристы считали, что раб начинает приносить доход с пятилетнего возраста? Откуда вообще взялась версия об увеличении числа домородных рабов при Империи по сравнению со временем Республики? У авторов они упоминаются и для Республики и для Империи одинаково часто, а что касается надписей, говорящих о «вернах», то очень значительное их число термином «верна» обозначает не домородного раба (это всегда так только для надписей императорских рабов), а либо умерших в раннем возрасте детей свободных родителей, либо уроженцев той или иной местности, города, страны. Почему, если не хватало рабов из числа пленных, пленные при Империи начинают обращаться не в рабов, а в колоннов, сперва государственных, впоследствии частных? И как, наконец, объяснить расцвет в I—II вв. н. э. рабовладельческого способа производства в провинциях, куда притока пленных тоже не было?

В. И. Кузищин прав, считая, что рабовладельческое хозяйство нуждалось постоянно в притоке сил со стороны, извне. Но дело здесь, видимо, не только и не столько в притоке рабов, число которых пополнялось из разных источников, сколько в притоке материальных ценностей — драгоценных металлов, монеты, продуктов сельскохозяйственного и ремесленного производства — поскольку само рабовладельческое хозяйство, если и могло обеспечить более или менее приличный (но всегда не очень высокий) доход отдельному собственнику, то не могло удовлетворить потребности всего общества, основой которого оно служило. Сокращение поступлений извне при Империи, когда бывшая периферия вошла в состав римского государства и эксплуатировалась централизованно правительством, распределявшим доходы по своему усмотрению, сыграло огромную роль в упадке рабовладельческого способа производства, но не потому, что иссяк приток пленных и пришлось перейти к стимулированию естественного воспроизводства рабов, всегда существовавшего. Для дальнейшего выяснения этого вопроса имело бы смысл привлечь пример Афин, для которых расцвет рабовладельческого хозяйства никто не связывает с поступлением на рабские рынки множества пленных, поскольку Афины в этом отношении таких возможностей, как Рим, не имели. Никто не связывает и упадок экономики греческих полисов с сокращением поступления пленных. Видимо, и в Афинах, и в Риме действовали иные закономерности.

Дискуссионность некоторых положений работы В. И. Кузищина не снижает ее достоинств. Несомненно, она, как и предыдущие его монографии, станет настольной книгой специалистов по истории Рима.

Е. М. Штаерман

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА О ФЕОКРИТЕ

За последнее время интерес к творчеству Феокрита в значительной степени возрос¹. Об этом свидетельствует и количество, и содержание новых работ. В этих работах феокритовские тексты рассматриваются в самых разных планах: ставятся проблемы аутентичности, разночтений², хронологии³ и переводов⁴, исследуется метрика феокритовского стиха⁵, специфика поэтического языка⁶, ставятся проблемы происхождения и развития жанра буколики, проблемы заимствований Феокрита у предшествующей литературной традиции и проблемы влияния его на римскую поэзию. Произведения Феокрита сопоставляются с произведениями Вергилия, Горация, Катулла, Проперция. Уже простое перечисление аспектов исследований свидетель-

¹ Хронологически наш обзор охватывает литературу с 1960 г. до настоящего времени. Обзоры научных работ, посвященных литературе эпохи эллинизма (в том числе произведениям Феокрита), вышедших ранее этого времени: Т. В. Попова, Греческая литература эпохи эллинизма и римской империи, в сб. «Вопросы античной литературы в зарубежном литературоведении», М., 1963; Н. А. Чистякова, Новое в изучении художественной литературы эллинизма, ВДИ, 1968, № 3.

² A. Griffiths, Notes on the text of Theocritus, CQ, XXIII, 1972, стр. 103—109; A. S. F. Gow, Mousers in Egypt, Id. XV, 28, CQ, XVII, 1967, стр. 195—197; R. M. Ogilvie, Theocritus, Id. 14, 1—2, RBPh, XLII, 1963, стр. 110—111; R. Renham, Some Greek textual problems. Id. 51, HSPH, LXVII, 1963, стр. 269—283; R. Stark, Theocritea, «Maia», XV, 1963.

³ T. B. L. Webster, Chronological problems, WS, LXXVI, 1963; A. Koehnken, Apollonios und Theocritus. Die Hylas und Amykos-geschichte beider Dichter und die Frage der Priorität, Göttingen, 1965, 129 стр.

⁴ G. S. Fraser, On translating poetry. Id. III, «Arion», V, 1966, стр. 129—148.

⁵ М. Е. Грабарь-Пассек, Метрика стихов Феокрита, в сб. «Вопросы античной литературы и классической филологии», М., 1966, стр. 185—206.

⁶ W. F. Wyatt, Short accusative plural in Greek, TAPhA, XCVII, 1966, стр. 617—643; W. B. Stanford, On the zeta/sigma-delta variation in the dialect of Theocritus, «Proc. Irish. Acad.», XCVII, 1960, стр. 1—8; K. Strun, Dorisches und Hyperdorisches, Glotta, XLII, 1964, стр. 165—169.